

Школьный этап всероссийской олимпиады учащихся
2022-2023 учебный год
Литература
11 класс

Максимальное время выполнения заданий: 180 минут.
Максимальное количество баллов: 100.

Задание № 1. Проведите комплексный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. Выбор типа текста – право ученика.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Владимир Владимирович Набоков (1899-1977)

Тяжёлый дым

Когда зажглись, чуть ли не одним махом до самого Байришер Плац, висящие над улицей фонари, всё в неосвещённой комнате слегка сдвинулось со своих линий под влиянием уличных лучей, снявших первым делом копию с узора кисейной занавески. Уже часа три, за вычетом краткого промежутка ужина (краткого и совершенно безмолвного, благо отец и сестра были опять в ссоре и читали за столом), он так лежал на кушетке, длинный, плоский юноша в пенсне, поблёскивающим среди полумрака. Одурманенный хорошо знакомым ему томительным, протяжным чувством, он лежал, и смотрел, и прищуривался, и любая продольная черта, перекладина, тень перекладины, обращались в морской горизонт или в кайму далёкого берега. Как только глаз научился механизму этих метаморфоз, они стали происходить сами по себе, как продолжают за спиной чудотворца зря оживать камушки, и теперь, то в одном, то в другом месте комнатного космоса, складывалась вдруг и углублялась мнимая перспектива, графический мираж, обольстительный своей прозрачностью и пустынностью: полоса воды, скажем, и чёрный мыс с маленьким силуэтом араукарии.

Из глубины соседней гостиной, отделённой от его комнаты раздвижными дверьми (сквозь слепое, зыбкое стекло которых горел рассыпанный по зыби жёлтый блеск тамошней лампы, а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-тёмный прислон стула, ставимого так ввиду поползновения дверей медленно, с содроганиями, разъезжаться), слышался по временам невнятный, малословный разговор. Там (должно быть, на дальней оттоманке) сидела сестра со своим знакомым, и, судя по таинственным паузам, разрешавшимся, наконец, покашливанием или нежно-вопросительным смешком, они целовались. Были ещё звуки с улицы: завивался вверх, как лёгкий столб, шум автомобиля, венчаясь гудком на перекрёстке, или, наоборот, начиналось с гудка и проносилось с дребезжанием, в котором принимала посильное участие дрожь дверей.

И как сквозь медузу проходит свет воды и каждое её колебание, так всё проникало через него, и ощущение этой текучести преображалось в подобие ясновидения: лёжа плашмя на кушетке, относимой вбок течением теней, он вместе с тем сопутствовал далёким прохожим и воображал то панель у самых глаз, с дотошной отчётливостью, с какой видит её собака, то рисунок голых ветвей на не совсем ещё бескрасочном небе, то чередование витрин: куклу-парикмахера, анатомически не более развитую, чем дама червей; рамочный магазин с вересковыми пейзажами и неизбежной *Inconnue de la Seine** (столь популярной в Берлине) среди многочисленных портретов главы государства; магазин ламп, где все они горят, и невольно спрашиваешь себя, какая же из них там своя, обиходная...

Он спохватился, лёжа мумией в темноте, что получается неловко: сестра, может быть, думает, что его нет дома. Но двинуться было невероятно трудно. Трудно, – ибо сейчас форма его существа совершенно лишилась отличительных примет и устойчивых границ; его рукой

мог быть, например, переулочек по ту сторону дома, а позвоночником – хребтообразная туча через всё небо с холодком звёзд на востоке. Ни полосатая темнота в комнате, ни освещённое золотой зыбью ночное море, в которое преобразилось стекло дверей, не давали ему верного способа отмерить и отмежевать самого себя, и он только тогда отыскивал этот способ, когда проворным чувствительным вдруг повернувшегося во рту языка (бросившегося как бы спросонья проверить, всё ли благополучно) нащупал инородную мягкость застрявшего в зубах говяжьего волоконца и заодно подумал, сколько уже раз в продолжение двадцатилетней жизни менялась эта невидимая, но осязаемая обстановка зубов, к которой язык привыкал, пока не выпадала пломба, оставляя за собой пропасть, которая со временем заполнялась вновь.

Понуждаемый не столько откровенной тишиной за дверьми, сколько желанием найти что-нибудь остренькое для подмоги одинокому слепому работнику, он, наконец, потянулся, приподнялся и, засветив лампу на столе, полностью восстановил свой телесный образ. Он увидел и ощутил себя (пенсне, чёрные усики, нечистая кожа на лбу) с тем омерзением, которое всегда испытывал, когда на минуту возвращался к себе и в себя из тёмного тумана, предвещавшего... что? Какой образ примет, наконец, мучительная сила, раздражающая душу? Откуда оно взялось, это растущее во мне? Мой день был такой как всегда, университет, библиотека, но по мокрой крыше трактира на краю пустыря, когда с поручением отца пришлось переть к Осиповым, стлался отяжелевший от сырости, сытый, сонный дым из трубы, не хотел подняться, не хотел отделиться от милого тлена, и тогда-то именно ёкнуло в груди, тогда-то...

На столе лоснилась клеёночная тетрадь, и рядом валялся, на пегот от клякс бюваре, бритвенный ножичек с каёмкой ржавчины вокруг отверстий. Кроме того лампа освещала английскую булавку. Он её разогнул и остриём, следуя несколько суетливым указаниям языка, извлёк волоконце, проглотил... лучше всяких яств... После чего язык, довольный, улёгся.

Вдруг, сквозь зыбкое стекло дверей, появилась, приложенная извне, русалочья рука; затем половины судорожно раздвинулись, и просунулась кудлатая голова сестры.

– Гришенька, – сказала она, – пожалуйста, будь ангел, достань папирос у папы.

Он ничего не ответил, и она совсем сузила яркие щели мохнатых глаз (очень плохо видела без своих роговых очков), стараясь рассмотреть, не спит ли он.

– Достань, Гришенька, – повторила она ещё просительнее, – ну, сделай это. Я не хочу к нему ходить после вчерашнего.

– Я может быть тоже не хочу, – сказал он. – Скоренько, – нежно произнесла сестра. – А, Гришенька?

– Хорошо, отстань, – сказал он наконец, и, бережно воссоединив дверные половины, она растворилась в стекле.

Он опять подвинулся к освещённому столу, с надеждой вспомнив, что куда-то засунул забытую однажды приятелем коробочку папирос. Теперь уже не видно было блестящей булавки, а клеёночная тетрадь лежала иначе, полураскрывшись (как человек меняет положение во сне). Кажется – между книгами. Полки тянулись сразу над столом, свет лампы добирался до корешков. Тут был и случайный хлам (больше всего), и учебники по политической экономии (я хотел совсем другое, но отец настоял на своём); были и любимые, в разное время потрафившие душе, книги, «Шатёр» и «Сестра моя жизнь», «Вечер у Клэр» и «Bal du comte d'Orgel»**), «Защита Лужина» и «Двенадцать стульев», Гофман и Гёльдерлин, Боратынский и старый русский Бэдекер. Он почувствовал, уже не первый, – нежный, таинственный толчок в душе и замер, прислушиваясь – не повторится ли? Душа была напряжена до крайности, мысли затмевались, и, придя в себя, он не сразу вспомнил, почему стоит у стола и трогает книги. Бело-синяя картонная коробочка, засунутая между Зомбартом и Достоевским, оказалась пустой. По-видимому, не отвертеться. Была, впрочем, ещё одна возможность.

Вяло и почти беззвучно волоча ноги в ветхих ночных туфлях и неподтянутых штанах, он из своей комнаты переместился в прихожую и там нащупал свет. На подзеркальнике, около щёгольской бежевой кепки гостя, остался мягкий, мятый кусок бумаги; оболочка освобождённых роз. Он пошарил в пальто отца, проникая брезгливыми пальцами в бесчувственный мир чужого кармана, но не нашёл в нём тех запасных папирос, которые надеялся добыть, зная тяжеловатую отцовскую предусмотрительность. Ничего не поделаешь, надо к нему...

Но тут, то есть в каком-то неопределённом месте сомнамбулического его маршрута, он снова попал в полосу тумана, и на этот раз возобновившиеся толчки в душе были так властны, а главное, настолько живее всех внешних восприятий, что он не тотчас и не вполне признал собою, своим пределом и обликом, сутуловатого юношу с бледной небритой щекой и красным ухом, бесшумно проплывшего в зеркале. Догнав себя, он вошёл в столовую.

Там, у стола, накрытого давно опочившей прислугой к вечернему чаю, сидел отец и, одним пальцем шурша в чёрной с проседью бороде, а в пальцах другой руки держа на отлёте за упругие зажимчики пенснэ, изучал большой, рвущийся на сгибах, план Берлина. На днях произошёл страстный, русского порядка, спор у знакомых о том, как ближе пройти от такой-то до такой-то улицы, по которым, впрочем, никто из споривших никогда не хаживал, и теперь, судя по удивлённо недовольному выражению на склонённом лице отца, с двумя розовыми восьмёрками по бокам носа, выяснилось, что он был тогда неправ.

— Что тебе? — спросил он, вскинув глаза на сына (может быть, с тайной надеждой, что я сяду, сниму попону с чайника, налью себе, ему). — Папирос? — продолжал он тем же вопросительным тоном, уловив направление взгляда сына, который было зашёл за его спину, чтобы достать коробку, стоящую около его прибора, но отец уже передавал её слева направо, так что случилась заминка.

— Он ушёл? — задал он третий вопрос. — Нет, — сказал сын, забрав горсть шелковистых папирос.

Выходя из столовой, он ещё заметил, как отец всем корпусом повернулся на стуле к стенным часам с таким видом, будто они сказали что-то, а потом начал поворачиваться обратно, но тут дверь закрылась, я не досмотрел. Я не досмотрел, мне не до этого, но и это, и давешние морские дали, и маленькое горящее лицо сестры, и невнятный гул круглой, прозрачной ночи, всё, по-видимому, помогало образоваться тому, что сейчас наконец определилось. Страшно ясно, словно душа озарилась бесшумным взрывом, мелькнуло будущее воспоминание, мелькнула мысль, что точно так же, как теперь иногда вспоминается манера покойной матери при слишком громких за столом ссорах делать плачущее лицо и хвататься за висок, вспоминать придётся когда-нибудь, с беспощадной, непоправимой остротой, обиженные плечи отца, сидящего за рваной картой, мрачного, в тёплой домашней куртке, обсыпанной пеплом и перхотью; и всё это животворно смешалось с сегодняшним впечатлением от синего дыма, льнувшего к жёлтым листьям на мокрой крыше.

Промеж дверей, невидимые, жадные пальцы отняли у него то, что он держал, и вот снова он лежал на кушетке, но уже не было прежнего томления. Громадная, живая, вытягивалась и загибалась стихотворная строка; на повороте сладко и жарко зажигалась рифма, и тогда появлялась, как на стене, когда поднимаешься по лестнице со свечой, подвижная тень дальнейших строк.

Пьяные от итальянской музыки аллитераций, от желания жить, от нового соблазна старых слов — «хлад», «брег», «ветр», — ничтожные, бранные стихи, которые к сроку появления следующих неизбежно зачахнут, как зачахли одни за другими все прежние, записанные в чёрную тетрадь; но всё равно: сейчас я верю восхитительным обещаниям ещё не застывшего, ещё вращающегося стиха, лицо мокро от слёз, душа разрывается от счастья, и я знаю, что это счастье — лучшее, что есть на земле.

*Незнакомкой из Сены (франц.).
***"Бал графа д'Оржеля" (франц.).

Максимальное количество баллов – 70

ИЛИ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Сергей Александрович Есенин (1895-1925)

На Кавказе

Издrevле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру вместо злата.

За грусть и жёлчь в своём лице
Кипенья жёлтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безгладь
Пришёл, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне всё равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поёт о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочёл,
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют,
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком,

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забыть ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

*Сентябрь 1924
Тифлис*

Задание № 2. Творческое задание.

В XVIII столетии была очень популярна жанровая форма путешествий.

Описания путешествий, реальных и вымышленных, появлялись в виде путевых заметок, дневников, писем, отчетов. Вместе с тем сформировалась и так называемая «малая форма» - «прогулки».

Так, например, у К.Н. Батюшкова мы найдём прозаические сочинения «Прогулка по Москве», «Прогулка в Академию художеств».

ЗАДАНИЕ.

• Создайте свой вариант «прогулки», используя форму письма или дневниковой записи, заметки в блоге или на своей странице в социальных сетях

• Выберите и используйте в качестве эпиграфа один из предложенных ниже фрагментов стихотворений. Не забывайте, что эпиграф – это эмоциональный и смысловой ключ к тексту.

1. Брожу ли я вдоль улиц шумных... (А.С. Пушкин)

2. ...Посмотри в окно

Осень, в жёлтых листьях, в нежной позолоте,

Медленно колдует.

Что нам суждено? (К. Бальмонт)

3. Город сродни попытке воздуха удержать ноту от тишины... (И. Бродский)

Максимальное количество баллов – 30

№ 1-08

№2
 "Прогулка по городу Севера". 7-3-4-4/185
 "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." - А.С. Пушкин.
 Холодный ветер сметает меня и бьёт в лицо, но создается впечатление, что он преграда только для меня: беспредельный, потому людей и машин подтверждает это. Солнца нет уже несколько месяцев и только яркий искусственный свет фонарей и фар бесконечно укачивает вперёд и быстро, ведь руки уже остались без чувств от холода, продвигаясь сквозь толпы людей. Ощущение, что город никогда не спит. И правды: в этой сон в мире белой ночи. Да и дела не идут. Но вот я добралась до первых, вернее, одних из первых улиц города. И... тишина. Ничего нет, только тусклый свет фар. Одинокие улицы, парк, дорожки и тихая граница города. Самые красивые места, но и самые пустынные. Я сижу на скамье, ведь сюда и ещё долго, а есть где. Воистину, что-то есть в этой мёртвой тишине внутри индустриального центра северных земель. Слово плена стала тюрьма, тебя и унесла далеко в туман, где ты устала набегать, но пора идти и свету к тьме.

**Школьный этап всероссийской олимпиады учащихся
2022-2023 учебный год
Литература
10 класс**

Критерии оценивания

Максимальное количество баллов – 100

Критерии оценивания задания № 1

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырехбалльной системе: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», пятая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 15 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16-19 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии оценки аналитического задания.

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 25 баллов.

Шкала оценок: 10 – 15 – 20 – 25

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

Максимально 20 баллов.

Шкала оценок: 5 – 10 – 15 – 20

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов.

Шкала оценок: 2 – 5 – 8 – 10

4. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок).

Примечание 1: Сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается.

Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов.

Шкала оценок: 1 – 2 – 3 – 5

Дополнительно оценивается:

5. Наличие оригинальных и вместе с тем обоснованных наблюдений, формулировок, параллелей, возможно, не очевидных для проверяющего.

Примечание 1: в случае отсутствия в работе оригинальных наблюдений по этому критерию балл не выставляется. Критерий назван «дополнительным» потому, что оценивает такой аспект работы, наличие которого нельзя вменить в обязанность, но который тем не менее часто в работах присутствует и требует оснований для поощрения.

Примечание 2: при выставлении баллов по этому критерию желательна мини-рецензия проверяющего или такая система обозначений/подчеркиваний в тексте, которая позволила бы ученику при просмотре работы сразу увидеть те оригинальные наблюдения, которые принесли ему баллы. Эти наблюдения будет удобно выбрать из работ и опубликовать.

Максимально 10 баллов.

Шкала оценок: 2 – 5 – 8 – 10

Итого: максимальный балл – 70

Критерии оценивания задания № 2

Выполнение этого задания позволяет учащимся проявить творческую фантазию, без которой невозможно представить полноценного читателя.

Критерии:

1. Привлечение литературного материала, указанного в задании. Использование разнообразных деталей, умение включить цитатный материал. Обозначение проблемы и ее дальнейшее раскрытие. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0-3-7-10

2. Соответствие форме речи – диалогу. (Использование неполных предложений, односоставных предложений, экспрессивно-эмоциональной лексики.) Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0-3-7-10

3. Соответствие эмоционального строя созданного диалога. Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0-2-4-5

4. Речевая грамотность. Богатство словаря, разнообразие синтаксических конструкций, используемых в тексте. Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0-3-4-5

Итого: максимальный балл – 30

Во время написания этого стихотворения у Николая Рубцова (1936-1971) сложилась своя поэтическая система, свой взгляд на мир.

Тема этого стихотворения страх потерять то, что имел. Идея заключается в том, что автор данного стихотворения «Бойсь я, бойсь я, как волная сильная птица, Разбить свои крылья и дальше не видеть чудес!»

То есть страх потерять то, что имел, а также призыв оставить все как есть и ничего не менять: «Останьтесь, останьтесь, небесные сны своды!»

Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!»

Проблема стихотворения в экологии. Направление лирическое.

Жанр этого произведения баллада.

Главный герой произведения «скател по колмам», Колмот — это препятствия, но наш герой упорно преодолевает все невзгоды, его послала ему судьба. Его одолевает страх, это он «разбивает свои крылья», он прощит остальных.

Лирический герой выступает в роли волной сильной птицы, таинственного всадника.

Художественные средства:

Эпитеты: «неведомый сын», «царской короны», «дубовое счастье»

Метафоры: «задремавшей отчужки», «померкшим полям», «майский костюм»

Сравнения: «как волная сильная птица», «как сказка», «словно ангел»

Анафора: «я буду скакать, ...»

Чувства, которые передает нам автор: грусть, страх, надежда.

Мне понравилось это произведение тем, что передаются сильные эмоции, которые автор хотел донести до нас. На меня это произведение огромное впечатление.

$$0-5-2-5-0 \quad / \quad 125$$

12.

«Русские барышни большей частью питаются только платонической любовью, не прилепивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая бесстрашная», — сказал Григорий Петрович.

«Увы, на разные забавы

А много жизни поубили!

Но если б не страдали нравы,

И баллы б до сих пор любил

Люблю я бешеную молодость,

И гештогу, и блеск, и радость,

И дам обдуманной наред,

Люблю их ножки...» — отвечает Евгений Онегин.

«Надо много слово жениться имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться,

- прости любовь! мое сердце превращается в камень, и никто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободу моей не продам. - продолжает Печорин.

- «Что может быть на свете хуже семьи, где бедная жена грустит о недостойном муже и днем и вечером одна?» - поддерживает Аннин

Проблема, которую поднимают эти герои об отношении к женщинам.

$$7 - 10 - 4 - 4 \quad / \quad 255$$

Итого: 375